

с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков». ³² Это характеристика либерализма периода жизни и деятельности Толстого. Толстой «боялся» революции, ее насилия и в то же время был выразителем интересов масс, взволновавшихся до самых глубин. Толстой в своем развитии шел от традиций Радищева, декабристов, Герцена к оправданию борьбы крестьянства за землю и волю, к отрицанию всего самодержавно-крепостнического строя. В черновом варианте «Письма к либералам» (А. М. Калмыковой) Толстой утверждал: «Мы все — люди, не участвующие в грабежах правительством народного богатства, — не чиновники и вместе с тем люди не невежественные знаем очень хорошо, что наше правительство живет неправдой, насилием, одурением народа. Это мы знаем со времен Радищева, декабристов и уже совершенно ясно со времен николаевских и александровских». ³³ Отвергая «способы борьбы» как те, которые показали вожди крестьянских восстаний, декабристы, «революционеры 60-х годов», «деятели 1-го марта», так и те, которые использовали «либералы-постепеновцы», Толстой не называет имени Радищева. Радищев для Толстого — пример бескомпромиссной нравственной деятельности, выражающей голос народа, его демократический протест.

В истории общественного движения Толстой отводит Радищеву место среди революционных подвижников, которые, по его мнению, «готовы были страдать и страдали сами (не заставляя никого страдать) ради верности тому, что они признавали правдой». ³⁴ Толстой считал, что преимущественно этими людьми, такими как Новиков, Радищев, декабристы, совершенно освобождение крестьян в 1861 г., и верил, что такие люди могут совершить бескровную революцию. Толстой воспринимал борьбу Радищева, его сподвижников в свете своей идеи нравственного самосовершенствования. Традиции дворянской революционности переплетались с противоречивыми тенденциями толстовско-крестьянского мирозерцания.

3

Толстовская философия жизни, ее нравственного движения породила толстовскую специфику изображения личности, идею ее бессмертия. Пьер Безухов размышляет во сне о конце Платона Каратаева: «В середине бог, и каждая капля стремится расширяться, чтобы в наибольших размерах отражать его. И растет, и сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходит в глубину и опять всплывает. Вот он, Каратаев, вот разлился и исчез». ³⁵

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20. Изд. 5-е, с. 175.

³³ Отдел рукописей Гос. музея Л. Н. Толстого (Москва), К/13/2496.

³⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 36, с. 228.

³⁵ Там же, т. 12, с. 158.